

К. КЛЕМАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ КЕЙСА УЧИТЕЛЕЙ

Аннотация. Исследуются факторы и условия (де)политизации, их взаимосвязи в различных сферах жизни, а также их эволюция. На примере глубинного изучения социальной траектории трех учителей рассматриваются тенденции к деполитизации, ее причины и контр-тенденции. Делается вывод, что процесс политической социализации происходит главным образом через повседневное общение (в частности в рамках семьи). Субъективный опыт сферы труда, а также контекстуальные изменения оказывают влияние на этот процесс, но лишь в той степени, в которой приводят к разговорам и изменениям в повседневном мире личных переживаний.

Ключевые слова: политическая социализация, учителя, труд, социальные миры, социальная траектория, деполитизация, семья, биографические интервью.

Введение

Вопрос о политической социализации привлекает внимание социологов и политологов уже давно, и научная литература по этому вопросу существует в огромном количестве. Однако в современной России этот вопрос сравнительно мало изучен, отчасти потому что сложно отслеживать механизмы социализации в обществе, которое пережило столько социальных потрясений, отчасти — из-за размытости политических мировоззренческих течений, которые в других странах достаточно четко разделяют общество (правые / левые, демократы / либералы и т. п.).

Определим основные концепты исследования. Что касается политизации или политической вовлеченности, они понимаются нами

Карин Клеман — PhD социологии, доцент Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.
Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 58-60. **Телефон:** 8 (981) 157-75-68. **Электронная почта:** carine_clement@hotmail.com

очень широко, чтобы не исходить из нормативного представления о том, как «должно» выглядеть политическое участие. Соответственно, можно говорить о минимальной степени политизированности в том случае, когда человек проявляет хотя бы какой-то интерес к политическим вопросам, даже если он их не формулирует как таковые и отрицает всякую политизированность, и тем более — не является политически активным.

В центре анализа находится концепт политической социализации индивидов, понимаемой нами в широком смысле как динамичный процесс приобретения социального опыта в меняющемся общественно-политическом контексте, приводящий к формированию определенных взглядов, ценностей, отношения к политике.

Существуют разные подходы к изучению политической социализации. Первый фокусируется на первичной социализации, влиянии семейного и школьного воспитания на политические взгляды и установки, степень политической вовлеченности. Эта модель делает акцент на стабильности и устойчивости установок, приобретенных в детстве [5]. Второй подход критикует именно эту устойчивость и настаивает на том, что социализация продолжается в течение всей жизни человека. Эта модель жизненного цикла (*life-cycle model*), предполагающая непрерывный процесс изменения политических установок или приобретения новых [9; 11].

Третий подход рассматривает политическую социализацию как карьеру (или траекторию), осмысленную и концептуализированную в рамках теории символического интеракционизма. Траектория — это последовательность различных фаз, изменений в поведении индивида и восприятии им окружающего мира. Она охватывает как объективное измерение политической социализации (последовательность различных статусов и позиций индивида), так и субъективное (как индивид ее воспринимает). Траектория также учитывает все множество социальных миров, в которых протекает жизнь индивида — как в определенное время, так и диахронически. Французский социолог Оливье Филлель [6] разработал данную модель для изучения политической социализации. Он определяет ее как интеракционистский и непрерывный процесс интериоризации схем восприятия и действия относительно политического мира или других социальных миров, связанных с ним.

В нашем исследовательском проекте используется подход Филлеля, поскольку эта модель включает в себя наибольшее количество различных факторов и условий (де)политизации, их взаимосвязи в разных сферах жизни, а также их эволюцию, как в жизни человека, так и в социальном контексте.

Исследования, посвященные сравнительному весу изначальной и последующей социализации в постсоветской России (даже когда первая

протекала в советской системе), выявляют изменчивость характера политических установок в течение всего жизненного цикла и возможность ресоциализации [8; 3].

Еще один важный вывод, который делает Е. Шестопад, состоит в том, что масштабные общественно-политические потрясения в России последних 25 лет привели к противоречивым политическим представлениям, особенно в 1990-е годы. Несмотря на некоторую вновь приобретенную устойчивость, эти противоречия сегодня сохраняются. Наше коллективное исследование¹, посвященное анализу формирования общественно-политических установок в современном российском обществе, об этом свидетельствует: люди демонстрируют удивительно различные политические взгляды и установки, даже когда их жизненные пути достаточно схожи, и их картина мира порой представляется весьма противоречивой.

Поскольку исследовательский коллектив исходил из предпосылки, что политическая социализация — динамичный и пожизненный процесс и множество различных факторов могут влиять на нее, был выбран качественный метод: диахронический анализ (глубинные биографические интервью) и анализ различных общественных сфер, в которых перемещается человек. Всего было проведено кейс-стади по следующей логике: исследование жизненной траектории «главного героя» кейса в различных социальных пространствах (мир семьи, мир труда, досуг и т. п.), дополненное интервьюированием сослуживцев, членов семьи и прочих значимых для него людей². Мы пытались найти основных информантов среди «лояльного большинства». Искали людей слабо политизированных или имеющих конформистские или консервативные установки.

Автор данной статьи выбрала кейс «Учитель», поскольку учителя, как и все бюджетники, считаются главной опорой существующей власти. Цель исследования кейса — проверить достоверность этого распространенного мнения, в частности показывая различия между учителями, схожими по социально-демографическим параметрам. Были поставлены следующие вопросы: как объяснить различия или

¹ НИР «Формирование общественно-политических установок в современной России» (ФСИН, СПбГУ, 2014). Участники: А. Магун (рук.), К. Клеман, А. Желнина, А. Кальк, М. Кочкина, А. Мироненко, А. Яшина.

² Для кейса «Учитель», представленного в данной статье, дополнительных интервью было немного, так как родители «главной героини» уже умерли. С мужем удалось всего лишь побеседовать в неформальной обстановке, а дочь отказалась от интервью. Зато есть биографическое интервью, взятое у ее лучшей подруги и бывшего сослуживца, которая также выступает основным информантом (Людмила). Есть также небольшое интервью с нынешним сослуживцем.

сходства между учителями в отношении их мировоззрений? что влияет на становление их политических установок? какова роль сферы труда? как влияет первичная социализация?

Представители мира учительства были выбраны так, чтобы они были максимально схожи по целому ряду критериев — пол (все женщины), возраст (примерно одно поколение), территориальное расположение (все родом из Санкт-Петербурга и жители города), уровень благосостояния (у всех он примерно средний). Однако отобранные информанты различались по политическому или гражданскому мировоззрению.

Главная героиня — Татьяна (1957 г. р.), учитель химии — поддерживает В. Путина и на период исследования (но не всю жизнь) придерживается лояльных взглядов по отношению к существующей власти. Она — образцовая гражданка в модели долженствования (*duty-based citizenship*).

Людмила (1950 г. р.) — ее ближайшая подруга (названная «самой значимой») — учитель литературы и русского языка. Она тоже сейчас (но не весь путинский период) поддерживает В. Путина, однако имеет более самостоятельное отношение к существующей власти — иногда критикует ее, иногда одобряет. Она способна к гражданскому или социальному протесту, но не считает его политическим. Отвергает оппозицию.

Марина (1960 г. р.) преподает английский язык и является членом профсоюза «Учитель». Она не связана дружескими связями с другими героинями. Была выбрана как носитель совершенно других взглядов — она политизированная и протестующая гражданка, находится в оппозиции к существующей власти как минимум с 1993 года. Придерживается четко выраженных демократических взглядов, но не поддерживает демократию «по-русски».

Анализ эмпирических данных представлен ниже. В первом разделе будет показано, что респонденты мало соответствуют модели полной политической лояльности. Далее будут рассмотрены различия в их политических взглядах и отношении к политике. В следующем разделе будут установлены общие черты их социальной траектории, которые с трудом могут объяснить различия во взглядах и установках. Наконец, в последнем разделе будут проанализированы те различия в социальной траектории респондентов, которые имеют объяснительные свойства. В заключении будет предпринята попытка сделать из глубинного анализа качественных данных некоторые общетеоретические выводы.

Общие политические установки: так ли лояльны учителя?

В нынешней России репутация учителей в целом такова, что им обычно приписывается высокая политическая лояльность. Действительно,

если сравнивать российских учителей с учителями других стран, в частности западноевропейскими или североамериканскими, первые отличаются своим консерватизмом и общественной пассивностью. Исследование, посвященное изучению ценностей российских учителей в сравнении с зарубежными [1], показывает, что прежде всего их отличает большая озабоченность проблемой безопасности. Это и понятно, если учесть, что в большинстве развитых западных стран учителя законодательно более защищены, чем в России, где уволить их или лишить премии не составляет большого труда.

Очевидно, что нерепрезентативное качественное исследование не может опровергнуть или подтвердить тезис о лояльности учителей, но оно может пролить свет на некоторые более тонкие и глубинные процессы их политической социализации и показать, что сложившийся образ консерваторов и конформистов не столь монолитен.

По политическим установкам все три респондента различаются между собой, несмотря на то, что двое из них тесно дружат, и что у всех большой стаж работы в системе школьного образования.

Татьяна поддерживает В. Путина с самого начала его правления. Однако интервью с ней не выявляет следов того, что на нее влияет мнение вышестоящих людей в иерархии власти, тем более принуждения. Даже напротив, Татьяна стесняется делиться своим положительным мнением о Путине (*«может, я покажусь вам очень тупой»*) и ссылается на насмешливые реакции со стороны других (*«мне говорят, что я утопична»*). Ее поддержка Путина основана на собственных соображениях: по ее мнению, он *«хороший человек»* и *«поступает в интересах государства»*. Татьяна не ощущает электорального давления и убеждена, что выбирает самостоятельно. В поддержку ее интерпретации собственного поведения отметим, что в 1990-е годы она, будучи учителем в государственной школе, ни разу не голосовала за Ельцина и даже пыталась — неудачно — агитировать близких. Иными словами, у Татьяны есть опыт нахождения в оппозиции, пусть не публичной, к существующей власти.

Людмила поддерживала тогда Ельцина, но зато не поддерживала Путина вплоть до последних президентских выборов (потому что он был ей *«ужасно... противен... как мужчина»*). Она не только голосовала против него, но и участвовала в движении протеста против фальсификаций. Сейчас, однако, Людмила поддерживает Путина. И смену своей позиции она аргументирует уже четко. Во-первых, она *«чувствует»*, что таких, *«как мы»*, стало больше в окружении власти. Второй решающий момент — проведение Олимпиады в Сочи: *«Понимаете? Сколько было разговоров. О-хо-хо, опять будет ерунда. Все своруют. <...> А как это было здорово!»*. И наконец, третий момент — *«магистральный»* — *«присоединение Крыма»*. Политика Путина в

отношении Крыма интерпретируется как восстановление чувства национальной гордости после многих лет «*сильного национального унижения*».

Что касается Марины, то она всю жизнь была в оппозиции. Она была критически настроена в отношении советской власти, участвовала в демократической волне протеста конца 1980-х – начала 1990-х, затем ушла в пассивную оппозицию «*демократам русского разлива*» и перешла в активную оппозицию Путину на волне протеста «За честные выборы» 2011–2012 гг.

В итоге ни у одной из опрошенных не нашлось типичных черт покорной лояльности. А между тем они не настолько нетипичны среди учителей, чтобы отсечь предположение о неполной состоятельности представлений о политической покорности таковых. Респонденты в какой-то мере репрезентируют ту часть учителей, которые выбрали профессию «по призванию» или хотя бы получают удовольствие от работы с детьми и ценят свой профессионализм. Их пример, конечно, совершенно ничего не говорит о другой части — тех, кто стал педагогом из-за неспособности найти более подходящую или лучше оплачиваемую работу [2].

**Различные политические установки:
восприятие политического, ценности и жизненные позиции**

Несмотря на достаточно большую общность между ними, респонденты различаются как по своим политическим взглядам, так и по своему отношению к политике.

***Разные понимания «политического»
и формы политизированности***

Для Татьяны политика — необходимая сфера, но опасная и находящаяся «*наверху*». Она необходима, потому что позволяет государству функционировать и «*направляет*» жизнь граждан. Она опасна, потому что может привести к конфликтам и разрушениям. Поэтому в политике надо участвовать, но умеренно и дистанционно.

Для Людмилы политика — аморальная сфера властных и корыстных интересов. Но поскольку, тем не менее, политика определяет жизнь людей, надо пытаться на нее повлиять, не входя в политическую сферу, например, будучи советником, участвуя в формировании общественного мнения, воспитывая детей.

Для Марины политика — это жизнь. Даже когда она временно отошла от политики в 1990-е годы, она, по ее собственным словам, сделала это частично в знак протеста против недемократичности российских «*демократов*». А в общем, политика для нее везде — и в школах, и в дружбе, и в церкви. Она бывает закрепощающей или раскрепощающей. Дело активного и свободного гражданина — заниматься

сопротивлением порабощению (не дать себя «развести», не подчиняться покорно начальству, свободно и критически мыслить...).

Никто из респондентов, кроме Марины, не говорит о своей политизированности и по собственной инициативе не затрагивает политические темы. То есть политика не является частью их обыденной жизни и даже воспринимается как нежелательная тема в повседневных взаимоотношениях.

Политическое и личное

Все трое респондентов различаются по своему восприятию отношений между политикой и личным.

Личностные категории стоят на первом месте у Татьяны и Людмилы.

Татьяна распространяет этот стиль мышления на политику, которую она рассматривает через призму личного и морального: «Мне все равно, в какой человек партии, мне главное, чтобы с ним можно было хорошо пообщаться, чтобы был хороший человек». В. Путина она поддерживает и за него голосовала именно потому, что он «хороший человек».

Людмила более четко разграничивает политическое и личное, она даже их противопоставляет: «И политика — это такая сфера, которая перечеркнет очень многое мне дорогое. Прежде всего <...> искренность, честность». Говоря о людях, которые делают политическую карьеру, она отмечает: «Это гибельный для меня путь как для личности».

Позиция Марины прямо противоположна. Для нее политическое и личное тесно переплетены: «Это очень связанные вещи — личное с политикой. Переплетенные». Но если Татьяна рассматривает политику через личное, то Марина рассматривает личное (в том числе дружеские связи) через политику.

Власть, оппозиция и «простые люди»

Все три женщины проявляют толерантность к оппозиции и протесту, при этом их взгляды на них различаются.

Для Татьяны оппозиция и протесты приемлемы, только если они умеренные, мирные и не угрожают существующей системе и общественной стабильности. В противном случае от них пострадают «простые люди». Так, оценивая революционные события на Украине, она рассуждает: «Вот что на Украине? Как они будут все это восстанавливать? Экономике. <...> А на самом деле есть человек — учитель, врач... как они будут деньги получать?». Для нее существуют противоборствующие политические лагеря, но они никакого отношения не имеют к жизни простого человека, а способны лишь мешать ему жить: «Кто шашки кидает, кто из пулемета стреляет, а мы просто живем. И нам проще, если все спокойно. Я отчасти поэтому за Путина, так как мне с ним достаточно спокойно живется». При

этом напомним, что Татьяна сама была в оппозиции в 1990-е, поскольку не поддерживала Ельцина. Но ее оппозиция проявлялась только протестным голосованием и не предполагала ни публичного выступления, ни даже открытых споров с людьми, придерживающимися другого мнения.

У Людмилы есть личный опыт участия в протестных действиях: например в защиту «Дома Достоевского» от сноса, в митинге 10 декабря 2011 г. «За честные выборы» на Пионерской площади. При этом она не считает такое участие политическим и тем более оппозиционным. Об оппозиции она отзываясь критически, несмотря на то, что голосовала против Путина на последних президентских выборах. *«Что у нас было здесь на Пионерской площади — это пришли честные люди, без тех, извините, морд, которые были на Болотной».*

Еще более красочно иллюстрирует отношение Людмилы к оппозиции эпизод ее борьбы за сохранение собачьей площадки напротив дома. Собачники близлежащих домов, по ее словам, *«самоорганизовались»* и пошли в муниципальный совет. К ним примкнул молодой человек, *«повернутый на политике»*, который ее убедил обратиться в офис «Яблока» за помощью, а там сказали, что надо *«воевать с властью»*. Людмила делает такое вывод: *«Я пришла с проблемой собак, а они мне про власть. Это политика? Нет...»*. Этот случай показывает, как активные граждане могут отвернуться не только от оппозиции, которая воспринимается как чуждая повседневным заботам и интересам людей, но еще и от политики, если она сводится к борьбе с властью.

В этом отношении Марина очень отличается от двоих других респондентов. Оппозиция для нее необходима и ценна. Она всю жизнь взаимодействовала с оппозиционными партиями и общественными силами. Она в *«оппозиции к директору»* школы, где работает, и даже посещает приход, отличающийся оппозиционностью к официальной православной церкви. У Марины типичный критический стиль мышления. Она критиковала советский режим и ощущала общность с теми, кто составил основу первой демократической волны конца 1980-х. Критиковала расстрел Белого Дома 1993-го и именно тогда разочаровалась в *«демократах»*, *«потому что они как бы давали свободу себе, но отказывали в свободе выбора другим»*. По этой же самой причине она сейчас в оппозиции к Путину и активно участвовала в движении «За честные выборы».

Политика и мораль

Другое противопоставление, присутствующее в нарративе респондентов, касается политики и морали. Этот аспект тем более важен, что все трое придают моральным ценностям особое значение.

Для Татьяны мораль является наивысшей нормой, регулирующей ее жизнь и детерминирующей ее взгляды на окружающий мир, в том

числе на политику. Поэтому она воспринимает политику в терминах «хорошо» и «плохо» или добра и зла. И пытается распознать добро в политике. Среди тех хороших «человеческих» качеств, которыми она наделяет Путина, есть то, что он «*поступает в интересах государства, то есть он может где-то и на свои интересы наступить*». Иными словами, политика становится моральной, когда она идет во благо государства. Она аморальна, когда используется в собственных корыстных интересах, а также когда приводит к конфликтам или разрушениям и угрожает единству и прочности государства.

Для Людмилы, напротив, морали в политике нет места. Это вещи несовместимые. В политику, по ее мнению, идут особенные люди, которые «*рвутся во власть*» и готовы многим пожертвовать, в том числе моральными ценностями. Но она спокойно к этому относится, поскольку именно такие люди и нужны во власти. А «*такие, как я, должны быть в советниках*», но остаться вне политики. Ее выход на Пионерскую площадь — не политика, а как раз моральный поступок. Для нее парламентские выборы 2011 года — «*ужасное оскорбление, это была такая пощечина общественности, что я так понимаю, что любой честный человек должен был выйти*».

Марина тоже стала участвовать в митингах «За честные выборы» из-за моральных мотивов: «*У меня мучилась совесть, конечно. После того, что произошло. Я на это согласие не давала*». Однако для нее политика не является априори аморальной. Есть аморальная политика (российская политика в отношении Украины охарактеризована ею как «*варварство*»), но есть и моральная, когда люди свободно отстаивают свои собственные идеалы, интересы и ценности.

Различия во взглядах

Респонденты различаются не только по своему отношению к политике, но также по своим взглядам. Ниже представим их позиции по ряду дуальных пар и по модели гражданственности, которой они отвечают.

Патриотизм / космополитизм. Патриотизм является важной общественно-политической ценностью для Татьяны и Людмилы, но он совершенно чужд Марине. При этом патриотизм не предполагает национализма или чувства превосходства над другими нациями. Так, Татьяна повторяет слова, которые она говорит школьникам: «*Для меня, ребята, все равно кто — грузины, азербайджанцы, евреи, важно, хороший ли человек*».

Патриотизм для нее — это когда страна дает людям возможности для самореализации: «*Но патриотизм для меня не в том, чтобы работать на одном месте за копейки, и умри за свою родину здесь, на работе. Для меня патриотизм — это тоже чтобы человек профессионально мог состояться*».

Уточнить восприятие патриотизма Людмилой можно на примере ее интерпретации «присоединения» Крыма. Это, во-первых, проявление самостоятельности народа: «Когда можно, не слушая какого-то дядьку, не слушаясь окрика, сделать так, как МЫ хотим». Это, во-вторых, неподдержка войны; напротив, Людмила во время интервью (еще до военных действий) очень ее опасалась. И, в-третьих, это возвращение самоуважения после «стыдливого состояния» 1990-х, память об отцах-героях войны: «И вот, опять возвращаясь к Крыму, почему я думаю, что для моего поколения это очень важное решение. Потому что мы прожили за спиной своих родителей — они победители. Это же они 19-летними пошли на фронт. Они были герои. <...> А мы кто?».

Марина не проявляет эмоциональной привязанности к стране. Напротив, она уже в Советском Союзе думала о том, чтобы уехать, и только перспектива возможного наказания со стороны родителей ее остановила. И она совершенно не поддерживает политику российского правительства в отношении Крыма. Не столько потому, что она украинка по крови («давно уже уехали мои предки»), сколько потому, что это «отвратительно». «Вот инициатива заезда на чужую территорию, и просто без всяких переговоров, — это просто дикое таковое варварство».

Демократизм / гуманизм. Марина себя называет сторонником демократии, но не «российского разлива». «Демократия по-русски» — и ельцинская, и путинская. Это неуважение свободы, стремление к карьере и бизнесу вместо служения демократии, попирающие права меньшинств. В нарушении принципов демократии Марина обвиняет не только власти, но еще «интеллигенцию» (которая более склонна «рефлексировать») и «простых людей», которых так легко «развести».

Татьяна и Людмила не произносят ни слова о демократии, это не их тип мышления. Они мыслят и говорят в терминах человечности и гуманизма.

Человечность проявляется у Татьяны в том, что она дорожит такими ценностями, как доброта, забота о других и толерантность, а также пытается их развивать у детей, которых воспитывает и учит. Поскольку она не рассматривает эти моральные ценности как относящиеся исключительно к ее приватному миру, а стремится их транслировать в обществе, их можно отнести к политическому.

Для Людмилы человечность означает скорее уважение «высокого» в человеке и стремление поднять себя и других до «высокого», «во всех смыслах». И роль учителя, по ее мнению, как раз в том, чтобы «вытягивать самое высокое личностное». На другой чаше весов у нее — «подлецы». Но «в принципе получается, что в любое время подлецы блаженствуют. Молчалины блаженствуют на свете».

Три модели гражданственности. Можно попытаться суммировать общественно-политические различия между респондентами в трех типах гражданственности.

Татьяна — это модель ответственного гражданина (гражданственность по долженствованию). У нее гораздо больше обязанностей, чем прав.

Людмила — это модель возвышенного гражданина (гражданин, стремящийся к высокому во всех сферах жизни — нравственной, личностной, душевной, творческой...).

Марина — это модель свободомыслящего гражданина, критически настроенного ко всем проявлениям власти, как в политической сфере, так и в трудовой.

Общие черты социальной траектории

Для того чтобы попытаться связать различия в политических установках с той или иной особенностью жизненной траектории, стоит сначала установить общие черты между респондентами, которые вряд ли могут нести объяснительный характер.

Во-первых, все три женщины принадлежат примерно к одному поколению (1950–1960 г. р.). И хотя существующая научная литература о механизмах политической социализации в современной России опровергает тезис о значимости поколенческого фактора [8; 3], принадлежность к примерно одному поколению более достоверно нейтрализует значение этого фактора.

Во-вторых, гендерная интерпретация различий также практически исключается.

В-третьих, все респонденты имеют общую христианскую веру. В ходе интервью все трое ссылались на христианские ценности, которые для них служат главным жизненным ориентиром. При этом, хотя все трое являются практикующими православными христианами, эти ценности ни у кого не ассоциируются с православной церковью, у всех своеобразное и личное их восприятие.

В-четвертых, все респонденты — матери и придают огромное значение своей материнской роли, которая заставила их изменить свои профессиональные планы. Ради воспитания дочери Татьяна отказалась от должности завуча и перешла в другую школу. Ради сына Людмила также перешла в другую школу. А из-за болезни дочери Марина бросила профессию журналиста и временно прекратила работать, до того, как стать учителем.

В-пятых, для всех троих респондентов семья занимает в жизни первое место. Семья в широком смысле, включая родителей, мужей, детей, братьев. Все они пошли на определенные жертвы, чтобы ухаживать за престарелыми или больными родителями.

В-шестых, у всех примерно одинаковый уровень благосостояния (своя квартира, дача, необходимость много работать, чтобы обеспечить себя и семью).

В-седьмых, у всех большой стаж работы в системе школьного образования (Татьяна и Людмила работали в школах всю жизнь, у Марины стаж 16 лет). Более того, у всех троих кто-то из родителей уже работал учителями. И работа в школе всем приносит удовлетворение, по крайней мере работа с детьми. Все ценят свою компетенцию, и ни у кого не возникало и не возникает опасения насчет трудоустройства. Все трое уходили из школы и мгновенно находили новые места. Все рефлексируют над своей профессией, задачами, ролью в обществе, отношениями с детьми. Они придумывали и придумывают новые методики и приемы, чтобы лучше выполнить задачи, которые они во многом ставят себе сами. У всех высокая степень самостоятельности — никто из респондентов слепо не следует формальным инструкциям, которые они считают бесполезными, а то и вредными. Здесь можно увидеть причину их относительной политической самостоятельности (отсутствия полной лояльности) — в профессиональной самостоятельности и чувстве уверенности в себе и своей нужности. Несмотря на то, что материалы качественного глубинного исследования не позволяют делать обобщения, можно предположить, что именно этих чувств не хватает многим другим учителям.

Различия в социальной траектории

Если между тремя респондентами много общих черт, чем же объяснить выявленные различия в их общественно-политических взглядах и в степени и форме политизации? Остается предположить, что они связаны с другими характеристиками их социальной траектории. Если обобщить эти различия, они проявляются в двух видах: в субъективном опыте работы в школе и во взглядах на ключевые эпизоды или периоды общественно-политической жизни страны.

Субъективный опыт работы в школе

Оценки системы школьного образования. Если все три респондента высоко ценят в своей работе то, что связано с детьми, то их оценки и восприятие остальных ее аспектов сильно различаются.

Взгляды Марины на систему школьного образования противоположны взглядам Татьяны и Людмилы. Весь ее нарратив изобилует критическими оценками системы. Она доказывает, в том числе на конкретных примерах, что школьная система воспитывает в учителях покорность. *«Сложился такой стереотип, такой психотип даже, человека, который уважает эту иерархию... вот это, извините, воровской общак. Есть пахан, далее его шестерки, между ними распределяются какие-то куски, а внизу — самые опущенные».* Причем это не новая черта современной системы школьного образования: *«Эта структура осталась с советских времен, можно даже сказать, с царской России».* Отличие современной системы в «более высокой

степени бюрократизма». По мнению Марины, покорность даже мешает учителям замечать манипуляцию и эксплуатацию, объектом которых выступают рядовые учителя: «Ой, да [многие хвалят директоров. — К.К.]. Всегда идет навстречу! [иронически]. Ну, это просто принять манипуляцию как должное. То есть к ним делают вид, что хорошо относятся. И они делают вид, что...». А манипуляция учителями «очень большая. И финансовая: и нагрузить очень-очень много работы, и мало-мало денег дать».

В отличие от Марины, Татьяна и Людмила подходят к оценке системы образования более дифференцированно. Они обе делят директоров на «хороших» и «плохих». Первые — профессионалы в образовании, любящие свое дело и детей. Вторые — экономисты и менеджеры, которые сейчас стали доминировать по сравнению с советскими временами. Татьяна считает эту тенденцию однозначно негативной, однако не обвиняет в этом правительство или новый курс в образовательной политике. Напротив, она сама чувствует себя виноватой, вместе со всеми другими учителями: «Я считаю, что, наверное, мы сами виноваты, что мы допускаем, что директорами становятся не люди, которые любят свою работу, а люди, которые экономисты». Ей трудно допустить мысль об ответственности федеральных властных структур, и она предпочитает перевести стрелку на общество: «А может быть, это в обществе так востребовано».

Татьяна так же, как и Людмила, отреагировала на появление на своем пути директоров-экономистов уходом (первая перешла в другую школу, вторая вышла на пенсию).

Отношение к коллегам. Марина обвиняет учителей в целом в покорности и не дружит с коллегами: «Человек где-то смолчал, где-то отошел в сторону, не поддержал. Один-два раза — и я понимаю, что он мне не друг».

Татьяна и Людмила, напротив, дружат с сотрудниками, для обеих в кругу друзей коллеги (настоящие или бывшие) составляют большинство. При этом они выделяют «хороших» учителей, о которых много говорят. Для Татьяны хороший учитель отличается следующими качествами: психолог, педагог, жизнерадостный («не хмурый»), ответственный, профессиональный, самосовершенствующийся, любящий детей и интересующийся ими. Одним словом, это люди, которые работают так же, как они сами — по выбору, или «по призванию». Людмила приводит примеры «потрясающих» учителей — пассионариев, харизматичных и талантливых людей, «тянущих ребенка вверх».

Про «плохих» учителей респонденты ничего не говорят, но предполагается, что таковые тоже имеются. Главное то, что они не рассматривают учителей как единую и солидарную группу. С точки зрения как Татьяны, так и Людмилы, учителя разобщены и не являются

потенциальным коллективным актором. О коллегах-учителях в современной России они думают не как о единой социальной группе профессионалов, а как о совокупности личностей, мотивированных разными целями. Нет коллективной идентичности, нет чувства того, что учителя как группа могут на что-то повлиять, даже в рамках школы («нет коллектива») или в системе образования.

Степень вовлеченности в мир учительства. У всех троих респондентов разная степень вовлеченности в мир учительства. Ее определяет то, насколько значима в их жизни работа учителем, как с точки зрения сферы приложения профессиональных сил, так и с точки зрения круга общения и субъективной значимости.

Пожалуй, для Татьяны работа учителем — это вся ее жизнь. Она работает по призванию: *«Я влюбилась в эту профессию»*. Она закончила факультет *«химия на английском языке»* и, несмотря на уговоры преподавателей, не стала поступать в аспирантуру, поскольку *«хотелось в школу»*. Кроме субъективной предрасположенности к этой профессии, Татьяна еще подчеркивает *«личностные факторы»*, то есть роль отдельных преподавателей, которые ей встречались на жизненном пути. Ее профессиональный путь подтверждает ее слова о стремлении к самосовершенствованию и новому опыту. *«То я завуч, то воспитательной работой занимаюсь, то химико-биологические классы создаю, то я классный руководитель»*.

Профессиональная карьера у нее протекала гладко. Никогда не было проблем с трудоустройством, признанием профессионализма или человеческим общением. Пожалуй, был всего один поворотный момент — в начале 1990-х, когда *«денег совсем не было»*. *«Многие учителя у нас тогда ушли — риелторами стали, одна учительница — в юридическую консультацию. Многие учителя уходили из школы»*. А она осталась. Не жалеет ли? На этот вопрос она уверенно ответила: *«Я не жалею»*.

Людмила тоже очень вовлечена в мир учительства. Даже будучи на пенсии, она продолжает много общаться с бывшими коллегами-друзьями, отслеживает информацию, касающуюся системы образования, и дает частные уроки для подготовки к ЕГЭ. По ее словам, в первый же день работы в школе она поняла, что *«это не моя работа, это моя жизнь»*. Дети оказались трудными и недисциплинированными (это в середине 1970-х), поэтому она все время придумывала новые приемы, чтобы держать их внимание. Повторяя слова ее любимой бабушки, она говорит, что учить — очень трудно, почти так же, как *«Богу служить»*. Для нее учить детей — это служение высокой цели: *«Учитель обязательно должен тянуть ребенка вверх»*.

У Людмилы есть немножко от народничества. Ее бабушка *«ушла в народ»*. Ей самой говорили в университете (где она начала свой

профессиональный путь), что она «ушла в народ». И она видит свою работу учителем через призму выполнения миссии: *«Я убеждена, что вот то высокое, что ты тянешь, оно любую позицию формирует, и гражданскую в том числе. Что если ты вытягиваешь самое высокое личностное, то оно все равно сформирует личность вот, ну понимаете, круглую. <...> В плане всего. И морали, и того, что заложено, и нравственность. <...> Хотя, конечно, будут обстоятельства, но он не будет подлецом в любом смысле»*. Хуже всего она относится к тем, кто «опускает» других. Она привела примеры бывших учеников, которые стали богатыми бизнесменами или высокопоставленными чиновниками, и она, хотя все же радуется за них (*«это счастье для учителя, когда люди уходят вверх»*), чувствует, что *«для них опустилась»*.

Это ощущение миссии не могло не отразиться на ее преподавании: она привыкла делиться с детьми своими мыслями и мнениями. По словам Людмилы, общественные события или литература часто приносят материалы для обсуждения спорных этических или политических вопросов, и у нее *«рецепт был всегда один — абсолютная честность»*, то есть она не скрывала своих убеждений и ценностей.

У Татьяны — другая позиция, поскольку у нее нет ощущения миссии, зато есть очень развитое чувство ответственности. И по ее собственному утверждению, работа учила ее осторожности в выражении своих позиций, потому как учитель, особенно хороший, влияет на детей, *«к сожалению»*, — отмечает она. К сожалению — потому что, во-первых, эти позиции могут не соответствовать внутренним, но еще не до конца сформированным убеждениям детей. И во-вторых, потому что ее позиции могут противоречить доминирующим трендам в обществе и мешать детям успешно адаптироваться.

Несмотря на то, что школа — жизнь, а не работа, у Людмилы школой жизнь не ограничивается. Очень большое место в ней занимают искусство, литература, музыка и в первую очередь театр. Регулярные посещения театра ее даже *«спасли»* в 1990-е. Она рассказывает: *«Вдруг она [ее дочь] попадает в театр молодежный на Фонтанке к Спиваку. <...> И он начинает строить театр. Она приходит с такими идеями. И я попадаю в этот театр как ее мама. И он выслушивает меня. Советуется, что ставить. <...> И как жаль, что вот нельзя этот воздух забрать в какую-нибудь колбочку, чтобы потом выпустить и дать людям понять, чем мы здесь живы»*. Кроме того, огромное место в жизни Людмилы занимают собаки и собачники. Единственный раз, когда она себя ассоциировала с людьми в едином «мы», она говорила о собачниках: *«Мы, люди, которые собачники, мы самоорганизовались...»*.

Марина отличается от двоих других респондентов меньшей степенью вовлеченности (хотя школа тоже занимает большое место в ее

жизни — по времени, нагрузке, эмоциональным переживаниям и умственным усилиям: она пишет аналитические статьи о школе в своем ЖЖ). Во-первых, работа учителем — не первый и не единственный ее профессиональный опыт. Она закончила журфак и до начала 1990-х работала журналистом. И, по ее собственной оценке, эта работа сильно отличается от учительства: *«Это совсем другие условия, и журналисты — гораздо более свободные люди»*. И хотя она теперь критически относится к миру журналистики, которая *«в 90-е годы стала очень ангажирована, на деньги»*, можно предположить, что этот опыт сказался на ее тяге к свободомыслию. Кроме того, Марина пишет и публикует художественную литературу. Она воспринимает это занятие как полупрофессиональную сферу и отдает ему много времени и творческих сил.

Вдобавок к этому, Марина еще занимает активную общественную позицию. В 1990 году она даже баллотировалась в Советы народных депутатов и активно участвовала в общегражданском движении конца 1980-х - начала 1990-х, чтобы *«прогнать коммунистов»*. Затем, после прихода к власти *«демократов»* и особенно после расстрела Белого Дома в 1993 году, она разочаровалась в политике и заняла активную антиполитическую позицию. А на волне протеста против фальсификаций на парламентских выборах декабря 2011 года она снова заняла наступательную политическую позицию. Она стала наблюдателем в рядах общественного объединения *«Наблюдатели Санкт-Петербурга»* и вступила в альтернативный официальному профсоюзному объединению работников образования профсоюз *«Учитель»*. Эти два вида деятельности — профсоюзная и общественно-политическая — составляют для нее важные социальные миры, не менее значимые, чем профессиональная сфера.

Мир дружбы у нее мало пересекается с профессиональной сферой. Ее друзья — это одноклассники, близкие по политическим взглядам люди, а также прихожане одного *«особенного»* прихода. Почти у всех, по ее словам, есть общественно-политическая позиция.

Расположим респондентов на шкале от наибольшей вовлеченности в мир учительства до наименьшей. Татьяна — наиболее вовлечена; Людмила — чуть менее, из-за наличия других сфер вовлеченности; Марина — наименее, за счет наличия многих альтернативных сфер вовлеченности и непересечения мира учительства с миром друзей.

Восприятие ключевых периодов / событий общественно-политической жизни страны

Второе значимое различие между респондентами касается их субъективного восприятия и переживания того или иного периода или события отечественной истории.

Первичная социализация: Советский Союз и о т ц ы. Советский период воспринимается положительно Татьяной и

Людмилой, отрицательно — Мариной. Противоположные оценки связаны как с личным жизненным опытом того времени, так и с оценкой, переданной семьей, и в первую очередь отцом, который является самой авторитетной фигурой для всех троих респондентов.

Татьяна воспитывалась в памяти о войне, в которой погибли родители ее отца, о чем он, видимо, часто вспоминал, поэтому *«патриотическое, [которое] было в нем»*, ей передалось. По социальным признакам ее семья принадлежала к нижнему слою советской элиты. Папа работал тренером по лыжным гонкам, какое-то время тренировал олимпийский резерв и был даже директором детской спортивной школы. Соответственно, он ездил в *«загранкомандировки»*, что по советским меркам повышало статус человека и причисляло его к *«избранным»*. Семья, наверное, жила в относительно благополучии.

Отца Татьяна считает самым авторитетным для нее человеком. Он привил ей любовь к лыжному спорту, которым она стала заниматься в детстве, ездила с ним на соревнования. Он был образцовым учителем (*«педагог по природе по своей, воспитанники его очень любили»*) и главным советником в деле учительства. По словам Татьяны, они говорили еще и *«о жизни»*, поскольку были похожи *«по духу»*. Те ценности, которые передал Татьяне отец и которые они разделили, это: уважение и любовь к родным, патриотизм, доброта, самоуважение, профессионализм, работа, дисциплина, добропорядочность, соблюдение приличия, неприязнь к конфликтам, толерантность и конформистская нравственность.

Об особенно значимых событиях советского периода Татьяна в интервью практически не вспоминала. По всей видимости, она жила в другом измерении — в своей семье и учебе, о которых долго и детально рассказывала. Отвечая на прямой вопрос о ее восприятии советского, она выделила советское образование, которое она ценит, особенно по сравнению с нынешним. *«Единственное, по чему я тоскую, так это по той системе образования, которая была настроена на ребенка»*. Она также ценит то, как люди воспитывались в советской системе: *«...в целом, общество воспитывало так, что человек был не только социализирован, он с детства был всегда в коллективе»*.

Людмила — также ребенок войны, что сказывается на ее отношении к Родине. Отец у нее был генералом, то есть семья принадлежала к верхнему слою советской элиты. Благодаря этому они путешествовали по всему Советскому Союзу и смогли получить квартиру в Санкт-Петербурге. Кроме того, это позволило Людмиле получить очень хорошее и многопрофильное образование: *«Потом, у нас в офицерских домах было очень много кружков. Нас брали на танцы, на пение, на речь, на спорт...»*.

Папа был самым авторитетным в семье и, судя по рассказу, развивал в дочери вкус к образованию, искусству, а также уважение к другим, самостоятельность, нравственность, дисциплину и скромность.

Вспоминая Советский Союз, Людмила говорит не только о хорошем образовании, но и о культурном богатстве, литературе, кино, политике культурного просвещения.

У отца Марины, наверное, в советское время был самый низкий статус по сравнению с отцами других респондентов. Он работал в космической промышленности, но его статус был «невысоким», поскольку его работа была «несекретной». По определению Марины, он принадлежал к поколению шестидесятников: «...то есть он — дитя вот этой хрущевской оттепели, когда всем показалось, что началась новая жизнь, свободная такая». И его взгляды и мнения очень повлияли на Марину. Они обсуждали книги и фильмы, много беседовали обо всем, в том числе о политике. Ей передалась от него тяга к свободомыслию.

Подводя итог, можно сказать, что, безусловно, влияние первичной социализации до сих пор ощущается во взглядах и основных чертах характера дочерей.

Д е в я н о с т ы е. У Татьяны самые живые воспоминания сохранились о 1990-х годах, когда «все рухнуло». «Я как раз переехала в Приморский район. Это было 29 декабря 1989 года. А уже 1 января 1990 года рухнула экономическая система. Мы не могли мебель купить... Не было денег. Мы получали только раз в три месяца деньги монетками в мешочках». <...> Было так тяжело, что мы не знали, что делать. Нужно было что-то предпринимать, чтобы ребенка просто накормить, потому что денег нет». Страх заново пережить экономический крах и бедность до сих пор жив и оказывает влияние на политические взгляды Татьяны. Связана с этим ее боязнь социальных или политических потрясений.

У Людмилы 1990-е годы ассоциируются с «развалом страны» и унижением народа. К этому она добавляет моральное разложение и торжество «подлецов» и карьеристов средней руки. Однако в личном плане — материальном и душевном, она пережила 1990-е легче, чем Татьяна. Во-первых, потому что ее мама взяла на себя основные бытовые хлопоты: «Спасибо моей дорогой маме, царство ей небесное. Она ходила за продуктами, стояла в очередях, а я была в школе, я готовилась к урокам». А душевный покой спас театр, которым она стала как раз в это время активно увлекаться: «Так что вот в 90-е мы выжили благодаря театру».

Для Марины 1990-е годы тоже были тяжелым периодом (тем более что она была вынуждена временно остаться дома, чтобы ухаживать за больным ребенком), однако не столько из-за экономического

краха, сколько из-за политического разочарования в «демократии русского разлива» (период «обманутых надежд»). Она еще вспоминает с горечью, как и другие респонденты, проходимцев, которые «стремились просто к бизнесу», однако совершенно не упоминает развал страны или национальное унижение.

В итоге можно сказать, что респонденты по-разному пережили и вспоминают 1990-е годы. Период был очень тяжелым для Татьяны — во всех планах, особенно в материальном; умеренно тяжелым — для Людмилы, особенно в душевном и мировоззренческом планах; а для Марины — тяжелым, но только в политическом плане. В этот период Татьяна голосовала против Ельцина, Людмила — за Ельцина, а Марина — за «Яблоко».

Опыт выборов в 2011–2012 гг. Респонденты также по-разному рассматривают выборы 2011–2012 гг. Татьяна, в отличие от других, не упомянула эти выборы по собственной инициативе. Для нее ничего необычного тогда не случилось. Она ничего не сказала про фальсификации и горячо отрицала наличие давления, поскольку «это сейчас выбор каждого», и «тайна [голосования] все же присутствует». Единственный член ее семьи, который участвовал в «Болотном» движении, — это дочь, но она это делала исключительно в виртуальном пространстве. К движению «За честные выборы» Татьяна относится толерантно, она считает, что у людей есть право выйти на улицу выражать свой протест, но только «без экстремальных каких-то мер».

Людмила, напротив, восприняла парламентские выборы декабря 2011 года как «оскорбление»: «Это была не политика, это было оскорбление. <...> Как считали эти голоса — это было такое ужасное оскорбление, это была такая пощечина общественности, что, я так понимаю, что любой честный человек должен был выйти». И, несмотря на опасения дестабилизации («мы сыты этим разрушением, вот уже как сыты»), она участвовала в протестном митинге на Пионерской площади. Однако для нее «это была не политика», просто «пришли честные люди».

А Марина вернулась в политику как раз на волне протеста «За честные выборы». Она рассказывает: «Я пошла голосовать на думские выборы. И там были всякие нарушения. Я просто собрала подписи. <...> И люди сами просились. Они просили меня, сказали, что тоже хотят поставить подпись. Обычно отношение брезгливое, а тут активно все откликнулись. А потом, когда были президентские выборы, сын сказал, что не хватает наблюдателей. Мне не хотелось туда идти, много дел. Но я поняла, что если я не пойду, кто-то еще не пойдет, мы все не пойдем и так далее... Я пошла. И там 12 часов просидела, на этом избирательном участке. Нас, пятерых человек,

оттуда милиция выдворила. В ответ на наши требования честного подсчета и т. д. <...> И я начала участвовать в протестных акциях против всех этих нарушений».

П р и с о е д и н е н и е К р ы м а. На волне патриотического энтузиазма вследствие присоединения Крыма Татьяна и Людмила впервые оказались на одинаковых политических позициях: обе горячо приветствовали это событие и поддержали В. Путина. Вот что говорит об этом Татьяна: *«Раньше она [Людмила. — К.К.] была против Путина. Очень сильно. А тут впервые считает, что с Крымом хоть правильно поступил».* Она отмечает, что все вокруг нее, в том числе ее собственная дочь, вдруг оказались едины в своей поддержке политики Путина в отношении Крыма. Татьяна называет следующие мотивы: наличие фашистских сил на Украине (что однозначно неприемлемо в память об отце и о погибших на войне), поддержка крымского народа, угроза экономического разрушения.

Людмила подтверждает Татьянины слова: *«Сейчас я всей душой приветствую Крым, я считаю, что блестяще все это было сделано».* Первый и главный ее мотив — патриотизм, восстановление национальной гордости после сильного национального унижения, продолжение дела погибших героев войны, проявление самостоятельности народа.

А вот у Марины противоположная позиция. Она категорически не поддерживает присоединение Крыма (это *«отвратительно»*, *«дикое такое варварство»*) и очень болезненно воспринимает общее ликование по поводу этого события: *«Мне больно смотреть на людей, которые это поддерживают».*

Выводы

По итогам сравнительного анализа социальных траекторий троих человек с разными политическими и активистскими установками мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, ни один из представителей мира учительства нашего кейса не является ни полностью аполитичным, ни абсолютно лояльным к существующей власти.

Во-вторых, между ними существуют довольно значимые различия в мировоззрении, отношении к политике и политическим установкам.

В-третьих, эти различия в наибольшей степени связаны с субъективным опытом работы в школе (например, с разными оценками системы школьного образования и разными степенями вовлеченности в мир учительства), а также с их восприятием и переживанием ключевых периодов или событий общественно-политической жизни страны. Это, в частности, разный опыт первичной социализации в Советском Союзе, во многом под ключевым влиянием отца, разные переживания

1990-х, разный опыт выборов 2011–2012 гг., разные взгляды на присоединение Крыма.

В теоретическом плане анализ кейса учителей позволяет развивать следующие концептуальные мысли.

Первичная социализация играет роль в формировании политических установок. Однако установки, переданные родителями, не остаются неизменными в ходе всей жизни, скорее они формируют общие склонности или предрасположенности, которые могут превратиться в разные установки в зависимости от конкретной индивидуальной траектории. В нашем случае отцы — воплощение родительского авторитета для всех троих респондентов — передали в основном разное отношение к политике. Марина беседовала с отцом о политике как таковой, политика была частью повседневной жизни семьи. Благодаря этому она обладает способностью политически расшифровать и интерпретировать происходящее. В отличие от нее, Татьяна и Людмила, даже занимаясь очевидной политической деятельностью, отрицают всякую причастность к политике. С отцами они говорили об искусстве (Людмила) или общечеловеческих ценностях и труде (Татьяна), но никогда — о политике. Их первичная социализация установила жесткое разграничение между специализированной политической сферой и остальными сферами жизненного интереса.

Центральным в объяснении политических диспозиций нам представляется мир учительства. Сфера труда абсолютно не определяет политические установки, однако может изменить, смягчить или укрепить уже сложившиеся предрасположенности. Сравнительный анализ опыта труда троих респондентов позволяет сделать вывод об укреплении тенденции к деполитизации проблем, лежащих в сфере повседневного опыта. В отсутствие уже существующей политизации, проблемы, отмеченные в сфере труда (растущий вес экономических соображений в ущерб интересам детей, бюрократизация и повышение формального контроля над учителями, внедрение рыночной логики), не осмысливаются в общественных или политических терминах. На проблематичность перехода от индивидуальных и частных критических суждений к коллективным и политически оформленным требованиям указывают эмпирические исследования, посвященные изучению мира труда в западных обществах [10; 4].

Тенденция к деполитизации может быть предотвращена или смягчена другими процессами: если учителя уверены в своих способностях (как все три респондента), если у них есть другие сферы вовлеченности с более благоприятными условиями для политического опыта, если политизация произошла раньше начала трудового опыта в школе (случай Марины). Усиливает тенденции к деполитизации отсутствие профсоюза в трудовой жизни большинства учителей,

непривлекательность оппозиции из-за ее оторванности от повседневных забот людей, и — главное — отказ от всяких политических разговоров.

А ведь именно в повседневном общении [12] может возникнуть представление о политике как сфере, не чуждой обыденной жизни человека. О политике в школе в принципе не говорят, в семье и среди друзей — стараются не говорить (Марина является исключением). Разговоры о политике возникают лишь по случаю особенно ярких и резонансных общественно-политических событий, которые волнуют человека и его окружение. Последний тому пример — разговоры о событиях на Украине.

Таким образом, не происходит политической расшифровки различных сфер деятельности, которая является одним из ключевых пунктов политизации, определенной Ж. Лагруа как «процесс пере-квалификации самых разных видов человеческой деятельности в результате практического согласия между социальными агентами, склонными, по разным причинам, нарушать или подрывать разграничение между различными сферами деятельности» [7, р. 360]. По крайней мере, на примере кейса учителей установлен четкий разрыв между повседневным опытом людей, в том числе их трудовой жизнью, и политикой. Поэтому можно предположить, что основная тенденция процессов политической социализации в современной России — это деполитизация.

Однако эта тенденция неабсолютна, поскольку различные процессы социализации и влияние разных сфер не всегда однонаправлены, они нередко противоречат друг другу, таким образом смягчая влияние на социальную траекторию человека. Марина является исключительным примером последовательной социальной траектории, ее можно назвать образцом «политизированного» гражданина. У Татьяны и Людмилы гораздо более противоречивая социальная траектория, они ближе к модели «аполитичной политичности».

Итак, процесс политической социализации происходит главным образом через повседневное общение (в частности в рамках семьи). Субъективный опыт сферы труда, а также контекстуальные изменения влияют на него, но лишь в той степени, в которой приводят к разговорам и изменениям в повседневном мире личных переживаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грязнова О.С., Магун В.С.* Базовые ценности российских и европейских учителей // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 53–73.
2. *Ильин В.А., Шабунова А.А., Леонидова Г.В.* Социальное положение учителя в России // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 123–133.
3. *Шестопал Е.Б.* Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. № 4. С. 48–69.
4. *Dubet F.* Injustice at work. Boulder-London: Paradigm Publishers, 2009. — 254 p.

5. Easton D., Dennis J. Children in the political system. New York: McGraw-Hill, 1969. — 638 p.
6. Fillieule O. Some elements of an interactionist approach to political disengagement // *Social movement studies*. 2010. Vol. 9. No. 1. P. 1–15.
7. La politisation / J. Lagroye (ed.). Paris: Belin, 2003.
8. Mishler W., Rose R. Generation, age, and time: The dynamics of political learning during Russia's transformation // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. No. 4. P. 822–834.
9. Political learning in adulthood: A sourcebook of theory and research / Ed by R.S. Sigel. Chicago: University of Chicago Press, 1989. — 500 p.
10. Sainsaulieu I., Surdez M. Sens politiques du travail. Paris: Armand Colin, 2012. — 320 p.
11. Sapiro V. Political socialization during adulthood: Clarifying the political time of our lives // *Research in Micropolitics*. 1994. No. 4. P. 197–223.
12. Tilly C. Contentious conversation // *Social Research*. 1998. Vol. 65. No. 3. P. 491–510.

Дата поступления: 06.11.2014.

K. CLÉMENT

Clément Karine — PhD in Sociology, Associate Professor, Faculty of Liberal Arts and Sciences, Saint-Petersburg State University. **Address:** Galernaya str., 58-60, Saint-Petersburg, 190000, Russian Federation. **Phone:** +7 (981) 157-75-68.

Email: carine_clement@hotmail.com

POLITICAL SOCIALIZATION: A CASE STUDY OF TEACHERS

Abstract. The author analyses the process of political socialization in contemporary Russia using data from biographical interviews with three teachers. Political socialization is understood as a lifelong process of acquisition and transformation of political dispositions and attitudes through primary socialization, social experience in different social worlds, social networks, contextual evolution and significant events. The process can be grasped through the concept of social trajectory. As the three teachers have been chosen with many common socio-demographic features, two of them being close friends, the comparative analysis of their social trajectory and political views (which differ in a large extent) sheds light on some key processes involving in political socialization. The main tendency leads to depoliticization, however contradictory processes can counterbalance this tendency. The case study shows that the most significant processes or social worlds which matter in political socialization are family primary socialization (especially the presence or not of political issues in conversations with authoritative relatives), the subjective experience of labor and the degree of involvement in it, the consequences on personal experience of some significant historical periods or events which give rise to political conversations in everyday life.

Keywords: political socialization, teachers, labor, social worlds, social trajectory, depoliticization, family, biographical interview.

REFERENCES

1. Grijaznova O.S., Magun V.S. *Bazovye cennosti rossijskih i evropejskih uchitelej*. *Sociologicheskij zhurnal*. 2011. No. 1. S. 53–73. (In Russ.)
2. Il'in V.A., Shabunova A.A., Leonidova G.V. *Social'noe polozenie uchitel'stva v Rossii*. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2012. No. 8. S. 123–133. (In Russ.)
3. Shestopal E.B. *Politicheskaja socializacija i resocializacija v sovremennoj Rossii*.

- Politija. Analiz. Hronika. Prognoz. 2005. No. 4. S. 48–69. (In Russ.)
4. Dubet F. *Injustice at work*. Boulder-London: Paradigm Publishers, 2009. — 254 p.
 5. Easton D., Dennis J. *Children in the political system*. New York: McGraw-Hill, 1969. — 638 p.
 6. Fillieule O. *Some elements of an interactionist approach to political disengagement*. *Social movement studies*. 2010. Vol. 9. No. 1. P. 1–15.
 7. *La politisation* / J. Lagroye (ed.). Paris: Belin, 2003.
 8. Mishler W., Rose R. *Generation, age, and time: The dynamics of political learning during Russia's transformation*. *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. No. 4. P. 822–834.
 9. *Political learning in adulthood: A sourcebook of theory and research*. Ed by R.S. Sigel. Chicago: University of Chicago Press, 1989. — 500 p.
 10. Sainsaulieu I., Surdez M. *Sens politiques du travail*. Paris: Armand Colin, 2012. — 320 p.
 11. Sapiro V. *Political socialization during adulthood: Clarifying the political time of our lives*. *Research in Micropolitics*. 1994. No. 4. P. 197–223.
 12. Tilly C. *Contentious conversation*. *Social Research*. 1998. Vol. 65. No. 3. P. 491–510.

Received: 06.11.2014.